

В. Н. Карпухина

Алтайский государственный университет, Барнаул

**Современная детская литература
в политически корректном дискурсе:
лингвоаксиологический аспект**

Основная цель статьи – рассмотреть тексты новейшей детской литературы, зачастую выступающие в качестве успешного коммерческого проекта в массовой культуре и формирующие релятивные аксиологические установки мультикультурного общества у целевой аудитории. Объектом исследования служат тексты русскоязычной и англоязычной детской литературы, предмет исследования – лингвоаксиологические изменения данных текстов в рамках политически корректного дискурса. Исследование показало, что современная русскоязычная детская литература пока только входит в политически корректный дискурс, тогда как англоязычная детская литература активно функционирует в рамках данного дискурса. В результате исследования было выявлено, что такие современные авторы детской литературы на русском языке, как Борис Акунин и Глория Му, в текстах «Детской книги» и «Детской книги для девочек» используют нарративные стратегии, выявляющие непрямую ироническую оценку по отношению к ситуациям, дискурсивным формулам и правилам их функционирования в политически корректном дискурсе современного многополярного общества. В классических традициях русскоязычной детской литературы, обновленных в игровых ситуациях постмодернизма, Борис Акунин и Глория Му показывают релятивность аксиологической шкалы современного поликультурного социума, иронически представляя феномен политкорректности с критической точки зрения персонажей-подростков.

Ключевые слова: политически корректный дискурс, современная детская литература, лингвоаксиология.

Новые аксиологические установки политически корректного дискурса в современном мультикультурном обществе существенно влияют на лингвоаксиологические характеристики современной детской литературы и, в частности, на ее язык. Статья посвящена функционированию текстов новейшей детской литературы в политически корректном дискурсе современного общества. Объектом исследования служат тексты русскоязычной и англоязычной детской литературы, предмет исследования – лингвоаксиологические изменения данных текстов в рамках политически корректного дискурса. Основная цель статьи – рассмотреть тексты новейшей детской литературы, зачастую выступающие сегодня в качестве

Карпухина Виктория Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германского языкознания и иностранных языков факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета (ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049, Россия; vkarpuhina@yandex.ru)

успешного коммерческого проекта в массовой культуре и формирующие релятивные аксиологические установки мультикультурного общества у целевой аудитории. В качестве материала исследования выступают «Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times» Дж. Ф. Гарнера [Garner, 1994] и несколько переводов данных сказок на русский язык, выполненные С. Сивко (под ред. А. Олексенко), С. Г. Тер-Минасовой, А. Г. Гурочкиной; «The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit», заново пересказанные Дж. Лестером [The Tales of Uncle Remus, 2014]; «Детская книга» и «Детская книга для девочек» Бориса Акунина и Глории Му [Акунин, 2007; Му, 2012].

С. Г. Тер-Минасова, определяя возможности использования языка в рамках политически корректного дискурса, считает, что зарождение тенденции к политкорректному функционированию языка в многонациональном и поликультурном американском обществе было неслучайным: «Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и / или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.» [Тер-Минасова, 2000, с. 215]¹. Именно в британской и американской лингвокультурах в 1970–1980-х гг. наблюдается наиболее активный интерес к использованию того идеологического инструмента манипулирования целевой аудиторией, который позднее назовут «политически корректным языком» (ср.: [Lakoff, 1975; Butler, 1990; Segel, 2006; Moller, 2016²; Wikström, 2016; Karpukhina, Kuznetsova, 2017; Леонтович, 2007; Гришаева, Цурикова, 2008; Гурочкина, 2009; Гендер..., 2011]).

Политически корректный дискурс изначально в качестве жанровых разновидностей включал подтипы медийного дискурса и был ориентирован, скорее, на публицистические тексты. Однако в конце XX – начале XXI в. его специфический язык (так называемые дискурсивные формулы) и его сюжеты начинают проникать в смежные по семиотическим функциям с медийными текстами кинематографические тексты (см.: [Гендер..., 2011, с. 139–169; Карасик, 2019]) и в тексты художественной литературы. Далее рассмотрим некоторые из основных (конститутивных) компонентов политически корректного дискурса, формирующих новую аксиологическую шкалу в текстах современной детской литературы. К таким компонентам относятся участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии и дискурсивные формулы политически корректного дискурса (подробнее о данных компонентах и признаках институционального дискурса см.: [Карасик, 1999; 2019]). Исследователи справедливо полагают, что в русской лингвокультуре политкорректный дискурс пока практически не функционирует: «В результате постоянного интереса к человеческой личности как центру западной идеологии, на который направлены усилия и политики, и экономики, и культуры, английский язык и добрее, и гуманнее, и вежливее к человеку, чем – увы! – русский язык. С нашей идеологией коллективизма и игнорирования индивидуализма (само это слово имеет в русском языке негативные коннотации) трудно ожидать чего-то другого. Русский язык, как правило, не обременяет себя соображениями гуманности и чуткости по отношению к отдельному человеку» [Тер-Минасова, 2000, с. 223]. Функционирование же политически корректного дискурса в англоязычном мире на сегодняшний день чаще предстает объектом иронических или саркастических пародий на использование его дискурсивных формул или манипулятивных стратегий: «Политическая корректность как направление развития языка вызвала много вопросов, критики, сомнений. Бесспорно, что в живом языке все

¹ Также: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_Index.php

² Также: <https://philarchive.org/archive/MOLDOP>

попытки создать стилистически нейтральные “заповедники” разбиваются о способность слов приобретать в новых условиях новые коннотации, часто негативные» [Тер-Минасова, 2000, с. 222].

Подобной блестящей пародией на медийные тексты феминистской, антирасистской и пр. направленности стали «Политкорректные сказки на сон грядущий» Дж. Ф. Гарнера [Garner, 1994]. Пересказывая знаменитые детские сказки всех времен и народов с использованием ключевых дискурсивных формул политкорректного дискурса и порой меняя привычные сюжетные схемы в саркастически представляемых «манипулятивных» целях политкорректного дискурса, Гарнер доводит до абсурда новую аксиологическую шкалу современного мультикультурного общества.

Например, одна из основных стратегий феминистского дискурса, направленная на нарочитое избегание в речи / тексте лексем *мужчина*, *женщина*, *девочка*, *мальчик*, пародируется Гарнером в зачине сказки «Little Red Riding Hood» («Красная Шапочка»):

There was once **a young person** named Red Riding Hood who lived with her mother on the edge of a large wood [Garner, 1994].

Ср. данный фрагмент в переводе на русский язык:

Давным-давно существовала **юная личность** по имени Красная Шапочка, которая жила со своей матерью на самом краю большого леса (пер. С. Сивко)³.

В данном случае феминистская формула *a young person* ‘юная личность’, адекватно переданная на русский язык, показывает иронию по отношению к аксиологической толерантности политкорректного дискурса (ср. изменения, происходящие в английском языке на уровне обращений к женщине и намеренного феминистского «изытия» из английского языка «сексистских» морфем, указывающих на половую принадлежность человека: *chairman* ‘председатель’ > *chairperson*; *spokesman* ‘делегат’ > *spokesperson*; *cameraman* ‘оператор’ > *camera operator* [Тер-Минасова, 2000, с. 216]). Подобная же формула в следующем фрагменте «Красной Шапочки», описывающем действия Волка после того, как он проглотил бабушку, отсылает к аксиологическим приоритетам феминистского дискурса:

Then, **unhampered by rigid, traditionalist notions of what was masculine or feminine, he put on Grandma’s nightclothes** and crawled into bed [Garner, 1994].

И затем, **явно не стесненный традиционалистским подходом к тому, что такое мужское, а что такое женское, Серый Волк натянул бабушкину ночную сорочку** и забрался в кровать (пер. С. Сивко).

Якобы присутствующее во фрагменте нарратива «осуждение» Волка за его трансгендерное переодевание (cross-dressing) работает на создание комического эффекта.

Еще более саркастическим оказывается введение в традиционный текст сказки дискурсивных формул из «экологически ориентированного» политкорректного дискурса. Подобная пародийная ситуация наблюдается в зачине сказки «Three Little Pigs» («Три поросенка»):

---

³ Здесь и далее перевод С. Сивко (под ред. А. Олексенко) цитируется по: Гарнер Дж. Ф. Политически корректные сказки на ночь. URL: <https://q-lab.livejournal.com/1464.html#cutid1> (дата обращения 07.08.2018).

Once there were three little pigs who lived together **in mutual respect and in harmony with their environment. Using materials that were indigenous to the area**, they each built a beautiful house [Garner, 1994].

Ср. данный фрагмент в переводах на русский язык:

Жили-были когда-то три поросенка. Они **совместно проживали во взаимном уважении и в гармонии с окружающей средой. Используя экологически чистые материалы, характерные для той местности**, каждый из них построил себе по красивому домику (пер. С. Сивко);

Жили-были однажды три поросенка, **которые жили в атмосфере взаимоуважения и гармонии с окружающим миром** (пер. А. Г. Гурочкиной)⁴;

Жили-были три поросенка, **во взаимном понимании и полной гармонии с окружающей средой. Используя природные материалы своего края**, каждый из них построил себе по чудному домику (пер. С. Г. Тер-Минасовой)⁵.

При этом лишь в первом из переводов, выполненном С. Сивко, и отчасти в переводе С. Г. Тер-Минасовой наблюдается абсолютно адекватная передача дискурсивных формул «экологически ориентированного» русскоязычного политкорректного дискурса (*окружающая среда, экологически чистые материалы*). В переводах А. Г. Гурочкиной и С. Г. Тер-Минасовой представлены лишь приблизительные эквиваленты дискурсивных формул (*окружающий мир, природные материалы своего края*), что существенно уменьшает комический эффект зачина сказки Гарнера. Релятивность аксиологической шкалы экологически ориентированного политкорректного дискурса пародируется в новой версии сказки: жить в гармонии с окружающей средой – хорошо, так же как и правильно и хорошо строить жилище из местных экологически чистых материалов. Ирония Гарнера, однако, сводит данное утверждение к «пустой» политкорректной дискурсивной формуле. В качестве незыблемых ценностей экологически ориентированного политкорректного дискурса признаются не только экологически чистые материалы, но и полезные для здоровья продукты:

Red Riding Hood entered the cottage and said, “Grandma, **I have brought you some fat-free, sodium-free snacks** to salute you in your role of a wise and nurturing matriarch” [Garner, 1994].

Войдя в дом бабушки, Красная Шапочка обратилась к ней: «Бабушка, **я принесла тебе не содержащие жиров и карбоната натрия бутерброды**, дабы приветствовать тебя в качестве мудрой и образованной главы рода» (пер. С. Сивко);

Красная Шапочка вошла в дом и сказала: «Бабушка, **я принесла тебе обезжиренные гостинцы, не содержащие нитратов**» (пер. С. Г. Тер-Минасовой).

Комический эффект возникает в данном случае за счет подмены объектов, составляющих содержимое корзинки Красной Шапочки: вместо присутствующих в ситуативном фрейме сказки Шарля Перро *пирожков* там оказываются некие «полезные для здоровья» *бутерброды / гостинцы*. Однако трижды упоминаемые в речи матери и Красной Шапочки экологически правильные для употребления продукты не только не приносят пользы, но и не используются по назначению, что также усиливает комический эффект при их упоминании.

⁴ Здесь и далее перевод А. Г. Гурочкиной цитируется по: [Гурочкина, 2009].

⁵ Здесь и далее перевод С. Г. Тер-Минасовой цитируется по: [Тер-Минасова, 2000].

Введение в ситуативный фрейм сказки новых объектов и новых действующих лиц и событий, происходящих с ними, позволяет Гарнеру одновременно использовать две ключевые лингвоаксиологические стратегии – модернизации и острашения текста (о действии данных стратегий при переводе текстов см.: [Карпухина, 2013; 2015]). Например, в традиционную последовательность событий, происходящих с домиками трех поросят, включается дополнительный событийный фрагмент с новыми действующими лицами, соплеменниками волка-разрушителя:

Where the house of sticks had stood, other wolves built a time-share condo resort complex for vacationing wolves, with each unit a fiberglass reconstruction of the house of sticks, as well as native curio shops, snorkeling, and dolphin shows [Garner, 1994].

На месте же валежного домика другие волки организовали таймшер – оздоровительный комплекс для отдыхающих волков, где каждое бунгало воспроизводило погибший домик, но выполнено было из стеклопластика, – и понатыкали вокруг лавчонки туземных диковин, бассейны для дайвинга и дельфинарии (пер. С. Сивко).

Реалии новейшего времени (*таймшер, оздоровительный комплекс, стеклопластик, дайвинг, дельфинарий*) пересоздают хронологическую отнесенность ситуативного фрейма сказки о трех поросятах, работая на эффект острашения текста и одновременно создавая комический эффект модернизации при его восприятии. «Безусловные» ценности прогресса в мультикультурном обществе (сам волк, сдвывая один из домиков поросят, рассуждает: *They are so childlike in their ways. It will be a shame to see them go, but progress cannot be stopped* [Garner, 1994]. – *Ну прямо как дети, ей-богу! Хотя и будет капельку неловко наблюдать их уход, но ведь прогресс неумолим, и остановить его нельзя!* (пер. С. Сивко)) в ироническом нарративе рассказчика переосмысляются и оказываются фальшивыми.

Однако возможна и иная ситуация перефокусировки ценностей при вписывании старых сказок в новый формат политкорректного дискурса. Сборник «Сказки дядюшки Римуса» Дж. Ч. Харриса [1980], в 1936 г. адаптированный для русскоязычной детской аудитории М. А. Гершензоном, появился в США в новой версии (в пересказе Дж. Лестера) в 1987 г., в разгар борьбы за политкорректность. В предисловии к новому изданию Августа Бейкер, бывший координатор Детской службы Нью-Йоркской публичной библиотеки, работавшая в Университете Южной Каролины, дает идеологически «корректное» объяснение тем стратегиям, которые использовали Маргарет Уайз Браун, а затем и Джулиус Лестер при новейшем пересказе негритянских фольклорных сюжетов в аболиционистской терминологии [Baker, 2014, p. 6–7]. И Браун, и Лестер элиминируют из текста фигуру чернокожего рассказчика, дядюшки Римуса, причем Маргарет Браун производит данную «политкорректную» элиминацию и в отношении заглавия сказок, называя свой проект «Breg Rabbit» («Братец Кролик») [Ibid., p. 6]. Джулиус Лестер, сохраняя название сборника Джоэля Харриса («Сказки дядюшки Римуса»), полностью элиминирует из текста главного нарратора, рассказывающего негритянские сказки маленькому белому мальчику-плантатору. Ср., например, кольцевую композицию сказки «Смоляное Чучелко» («Breg Rabbit and the Tar Baby») в сборнике Дж. Ч. Харриса:

– Что же, Лис никогда-никогда не поймал Кролика? А, дядюшка Римус? – спросил Джоэль на другой вечер.

– Было и так, дружок, чуть-чуть не поймал. Помнишь, как Братец Кролик надул его с укропом? [Харрис, 1980, с. 8];

...Тут дядюшка Римус замолчал и стал вынимать из золы картошку.
– Старый Лис съел Братца Кролика? – спросил мальчик дядюшку Римуса.
– А кто их знает, – ответил старик. – Сказка-то кончена. Кто говорит – Братец Медведь пришел, его выручил, а кто говорит – нет. Слышишь, мама зовет тебя. Беги, дружок [Харрис, 1980, с. 11–12].

В политкорректном варианте негритянской сказки, пересказанной Дж. Лестером, фреймовая рамка с действующим лицом-рассказчиком, дядюшкой Римусом, отсутствует, и актуальным остается только внутренний ситуационный фрейм взаимодействия Братца Кролика и Братца Лиса, пытающегося поймать его с помощью Смоляного Чучелка [The Tales of Uncle Remus, 2014, p. 23–29].

В данном случае стратегии политкорректного дискурса, в отличие от ситуации с пересказом волшебных сказок Дж. Гарнером, используются автором предисловия и автором новой версии сказок из негритянского фольклора не в ироническом переосмыслении, а для прямого воздействия на целевую аудиторию. Августа Бейкер, делясь в предисловии своей «идеологически выдержанной» радостью по поводу выхода антирасистской версии «Сказок дядюшки Римуса», пишет не только о том, как она впервые сама ребенком познакомилась с данными сказками (сначала – в пересказе бабушки, затем – пытаюсь сама их прочитать (и замечая, что читательский опыт был максимально неудачным)) [Baker, 2014, p. 3–5]. Более интересными представляются ее аксиологически ориентированные воспоминания о работе в филиале Нью-Йоркской публичной библиотеки, находившемся в Гарлеме, когда она пересказывала негритянским детям традиционную версию «Сказок дядюшки Римуса»: «Я вскоре поняла, что эти чернокожие мальчики и девочки должны узнать о юморе и скрытой философии Братца Кролика и его друзей... Многие из этих детей остро реагировали (*were sensitive*) на моменты, связанные с рабовладельческой системой, например на то, что дядюшка Римус рассказывал свои сказки маленькому белому мальчику, и я элиминировала повествовательную рамку»⁶ [Ibid., p. 5]. Без какой бы то ни было иронии Августа Бейкер в качестве одной из бесспорных ценностей нового мультикультурного общества называет унификацию английского языка, признавая одним из важнейших достоинств нового пересказа более простую современную разговорную речь персонажей негритянских сказок и модернизацию реалий, с которыми персонажи взаимодействуют [Ibid., p. 7–8]. Например, забрасывая Братца Кролика в терновый куст в сказке о Смоляном Чучелке, Братец Лис размахивается, как *Хэнк Аарон* – знаменитый американский бейсболист второй половины XX в. [The Tales of Uncle Remus, 2014, p. 29]; в сказке о том, как Братец Черепаха обогнал Братца Кролика на беговой дорожке, Братец Кролик надевает для тренировок *желтые кроссовки «Адидас»* и на старте срывается с места, как «*Боинг-747*» [Ibid., p. 51, 53]; в сказке «Загадка Братца Кролика» главный персонаж переживает *кризис среднего возраста* (*a midlife change*) [Ibid., p. 127]. Эти и подобные им примеры модернизации текстов сказок, как нам представляется, тоже свидетельствуют об актуализации контекста политкорректного дискурса: ценностями-эталоном являются типично американские персонажи и реалии (знаменитый американский бейсболист, самый известный американский самолет), хронотопические рамки жизни вневременных персонажей традиционных негритянских сказок приравниваются к ограниченным хронотопическим рамкам жизни среднестатистического американца (*кризис среднего возраста*). Необходимо также отметить, что в данном случае использование аксиологических стратегий политкорректного дискурса, его дискурсивных формул и актуализация его ценностей в текстах новых «Сказок дядюшки Римуса»

---

⁶ Перевод наш.

происходит без иронического или саркастического переосмысления, в отличие от «Политически корректных сказок на сон грядущий» Гарнера.

Для русской детской литературы вхождение в дискурс политкорректного мультикультурного общества, как нам представляется, еще впереди. Принимая во внимание замечания исследователей о том, что в русской лингвокультуре политкорректный дискурс практически не актуален, стоит отметить еще и то, что на сегодняшний день под вопросом находится само существование детской литературы в России: «Детской литературы в России вообще-то нет. Ее нет ни как свода текстов, входящих в круг детского чтения, и ни как плеяды авторов, представляющих национальную литературу миру, и уж точно ни как ниши на книжном рынке. Ее нет как института, включающего в себя писательский, читательский и профессиональный исследовательский цеха, находящиеся в постоянном, желательном – плодотворном, взаимодействии» [Скаф, 2012, с. 148]. Есть, однако, и более оптимистичный взгляд на существование и функционирование русской детской литературы: «Процесс установления канона для русской детской литературы и поиск точек соприкосновения с сегодняшними юными читателями не закончены. Серьезных имен в новом поколении писателей пока мало, но готовность к эксперименту и обновлению сулит яркое будущее литературе с четырехсотлетней историей» [Хеллман, 2016, с. 530]⁷. Бен Хеллман, к сожалению, не рассматривает тексты «Детской книги» Бориса Акунина и Глории Му в ряду текстов современной русской детской литературы, но мы полагаем, что именно в данных текстах сочетается «готовность к эксперименту и обновлению» детской литературы, с одной стороны, и предпосылки для активного диалога с подростковой читательской аудиторией, с другой стороны. Более того, в текстах «Детской книги» и «Детской книги для девочек» наблюдаются и первые признаки вхождения русскоязычной детской литературы в политически корректный дискурс. Первая из книг данной диалогии вышла в 2005 г. под названием «Детская книга» и несколько раз переиздавалась под данным названием (ср., например, переиздание [Акунин, 2007]). Однако, когда появилась вторая книга диалогии – «Детская книга для девочек» [Му, 2012], созданная совместно Борисом Акуниным и Глорией Му, первую книгу стали переиздавать под названием «Детская книга для мальчиков» [Акунин, 2012]. Рекурсивное «выравнивание» гендерного баланса, свойственное феминистской разновидности политкорректного дискурса, в данном случае совершенно очевидно. Две книги, повествующие о приключениях младшего поколения Фандориных (двойняшек Эраста (Ластика) и Гели) в разновременных вариантах московского хронотопа, дают возможность разного представления одних и тех же аксиогенных ситуаций с гендерно-ориентированной точки зрения.

Ключевая аксиогенная ситуация в «Детской книге для девочек» задается основным персонажем-феминисткой, Люсиндой Грэй, *очень красивой брюнеткой с короткой стрижкой и огромными зелеными глазами* [Му, 2012, с. 10], внешность и обстоятельства появления которой иронически отсылают к одной из самых известных феминисток Голливуда (*Сопровождаю главную гостью фестиваля Анджелину Круз* [Там же, с. 13]). Люсинда Грэй яростно защищает права женщин (*Любовь выше справедливости и всего на свете. Мы, женщины, знаем это по праву рождения* [Там же, с. 43]), обвиняет мужчин во всех проблемах (*О-у, да! Тео де Дорн – воплощение худших качеств мужчины. Они вечно выдумают себе какую-нибудь дребедень, обзовут «идеей», свято в нее уверуют и потом ради этой «идеи» готовы разрушить и залить кровью полмира!*). Люсинда говорила так зло, что Геле даже стало немножко жалко бедных мужчин [Там же, с. 46]). Более того, она демонстративно ведет себя вызывающе по отношению к мужчинам в проблемной ситуации: *Люсинда вывернула руль и сделала неприличный*

---

⁷ См. также: [Черняк, 2013; Петрова, 2018].

жест в сторону толстого дядьки на «лексусе», который пытался их подрезать [Му, 2012, с. 45]. По мере осмысления аксиогенной ситуации, в которой оказывается Геля Фандорина, поведение и мотивы действий Люсинды Грэй начинают осознаваться Гелей как корыстные и далекие от аксиологического идеала. От восхищения врачом-феминисткой и копирования ее речевых привычек Геля приходит к пониманию того, что истинные цели профессора Ван Дорна и Люсинды Грэй, прибывших из будущего, неизвестны, и те, как все взрослые, слишком много врут «для пользы дела» [Там же, с. 408–409]. Таким образом, иронически развенчиваются и ценности феминистского варианта политкорректного дискурса, которые в начале романа выступают для юной героини, Гели Фандориной, в качестве аксиологического образца для подражания.

Представляет интерес и аксиогенная ситуация объединения Гели с братом Ластиком в финале «Детской книги для девочек» в процессе поиска алмаза «Райское яблоко». У героини-подростка происходит переоценка ценностей, и важность семейных связей осознается Гелей заново, хотя в ходе действия романа статус «семейного чувства» на аксиологической шкале колеблется. В аксиогенной ситуации острой нехватки информации в мире прошлого Геля готова жертвовать встречей с матерью ради возможности воспользоваться привычными гаджетами и Интернетом (подробнее об этом см.: [Карпухина, 2017, с. 215]). Аксиологические приоритеты политкорректного дискурса современного техногенного многополярного общества в данном случае оказываются более релевантными по сравнению с гуманитарными ценностями – человеческими и, в частности, семейными отношениями. Переоценка подобной ситуации в финале романа, заново актуализирующая для Гели Фандориной ее социальные роли дочери и сестры, дает возможность осознать релятивность и гибкость аксиологической шкалы современного подростка.

Гораздо более ироническими в тексте диалогии предстают ценности политически корректного дискурса, связанные с отношением к окружающему миру и домашним питомцам человека. В современном политкорректном дискурсе предпочтительнее указывать на равноправное существование всех живых существ на планете: «Для того, чтобы избежать антропоцентризма по отношению к живому миру и подчеркнуть наше биологически равноправное сосуществование на одной планете с представителями этого мира, слово *pets* [домашние животные], предполагающее человека как хозяина или владельца, заменяется словосочетанием *animal companions* [компаньоны-животные], *house plants > botanical companions* [домашние растения > компаньоны-растения], а предметы неодушевленного мира – *mineral companions* [компаньоны-минералы]» [Тер-Минасова, 2000, с. 218]. Геля, попав в прошлое, пытается приручить кошку, однако в ее свободном косвенном дискурсе повествовательной структуры «Детской книги для девочек» данный процесс представлен с помощью оценочной терминологии политкорректного дискурса:

Это было как... Как подружиться с марсианином! Некто, совершенно отличный от тебя и видом, и разумом, непонятный и таинственный; некто, не способный изъясниться ни на одном из человеческих языков, но не лишенный речи – своей собственной, непонятной, в свою очередь, тебе; некто, способный, как никто из хомосапиенсов, читать мысли и чувствовать настроение. Понимать. Некто, кого можно любить и кто будет любить тебя, несмотря на то, что вы – такие ужасно разные, чужие и у вас нет никакого повода быть вместе, и легче было бы найти друзей среди своих [Му, 2012, с. 201–202].

Противопоставление двух разных субъектов – девочки и кошки – идет по классическому принципу «свой – чужой», и суверенные границы субъектов обозначают-

ся по их внешним признакам, по внутреннему устройству, по особенностям мыслительной и речевой деятельности. Представление кошки с иронической кличкой Силы Зла как самостоятельного субъекта, *animal companion*, существующего отдельно и в то же время рядом с Гелей в московском хронотопе начала XX в., позволяет оценить привычную ситуацию «приручения» как аксиологически значимую в терминах политически корректного дискурса. Однако ирония подобного представления *animal companion* проявляется во введении в основной нарратив романа фрагмента свободного косвенного дискурса героини-подростка, весьма экспрессивно окрашенного по сравнению с тональностью основного повествования (*Это было как... Как подружиться с марсианином!*).

Наиболее иронической с точки зрения представления дискурсивных формул и аксиологических приоритетов политкорректного дискурса в текстах Бориса Акунина и Глории Му является часть «Завтра» «Детской книги», действие в которой происходит в Москве 20 мая «в никаком году» [Акунин, 2007, т. 2, с. 283]. Антиутопический фрагмент «Детской книги» с явными отсылками к текстам антиутопий Е. И. Замятина и М. А. Булгакова (подробнее см.: [Карпухина, 2015, с. 44–57]) полемически направлен на использование дискурсивных стратегий и формул политкорректного дискурса. Основной персонаж части «Завтра» «Детской книги», с которым вынужден общаться Ластик Фандорин, *Магдаитиро Ямададженкинс*, «собранный» из профессора *Магды Дженкинс*, микробиолога, и доктора *Итиро Ямады*, специалиста по электронике [Акунин, 2007, т. 2, с. 293], – существо «третьего пола». Гендерная неопределенность существа из будущего пародирует дискурсивную стратегию современного феминистского дискурса, связанную с использованием местоимений (например, *s/he* ‘он / она’) и разных окончаний глагольных форм в русском языке (например, *сделал(а)*):

– Так вы тут **не один, то есть не одно?** – встрепнулся Ластик. – Есть и другие люди?;

Женщино-мужчина направился к большой травянистой кочке, и та вдруг отъехала в сторону;

– Я **построил** себе дом поближе к природе, – **объяснила хозяйничайка**;

– Это я **обдумывало** твой вопрос... [Там же, с. 287, 295, 296, 297].

На аксиологической шкале Ластика Фандорина, подростка из XXI в., подобная гендерная немаркированность биологического существа явно занимает полюс со знаком «минус»:

...Ластик боязливо покосился на гибрида. Значит, это одновременно и женщина, и мужчина? Какой кошмар [Там же, с. 293].

Начиная адаптироваться к системе речевых маркеров существа из будущего, Ластик пытается использовать категорию среднего рода при обращении к нему, и, тем не менее, постоянно сбивается на «устаревшую» систему координат «мужское – женское». Саркастическое изображение новой гендерной системы координат, к которой стремятся современные сторонники феминистской разновидности политкорректного дискурса, дается в тексте «Детской книги» с помощью оценок мира будущего с его неопределенными гендерными категориями и «образцовой правильностью», данных подростком из нашего времени. Аксиологические установки политически корректного мира эпохи «Завтра» декларируются Магдаитиро Ямададженкинс с большой долей гордости:

Мы все – Очень Уважаемые Люди. Мнение каждого драгоценно. Невозможно себе представить, чтобы наши приняли какое-то решение, если оно не устраивает кого-то одного. Правда, никаких коллективных решений

нам принимать давно уже не приходится. Мир функционирует в абсолютном порядке [Акунин, 2007, т. 2, с. 297–298].

Пародийность дискурсивных формул (*Очень Уважаемые Люди*) и правил функционирования мультикультурного, многополюсного современного западного общества реализуется в разрешении аксиогенной ситуации, в которую попадает Ластик Фандорин: он сбегает из «идеального Завтра» в первый же подходящий момент, испытывая ужас от того, что ему предложили остаться в подобном будущем. Антиутопический конфликт ребенка, верификатора ценностей «идеального будущего», и гендерно немаркированного бессмертного существа из этого будущего компрометирует саму систему ценностей подобного социума и его дискурсивные стратегии.

Однако необходимо отметить, что Борис Акунин и Глория Му в текстах «Детской книги» и «Детской книги для девочек» используют нарративные стратегии, выявляющие непрямую ироническую оценку по отношению к ситуациям, дискурсивным формулам и правилам их функционирования в политически корректном дискурсе современного многополярного общества. В отличие от прямой иронии, зачастую переходящей в сарказм, «Политически корректных сказок на сон грядущий» Джеймса Финна Гарнера или от полного принятия манипулятивных правил политкорректного дискурса в новой редакции «Сказок дядюшки Римуса» Джулиуса Лестера, тексты детских романов Бориса Акунина и Глории Му не дают прямых оценок в аксиогенных ситуациях, связанных с политкорректностью. В классических традициях русскоязычной детской литературы, обновленных в игровых ситуациях постмодернизма, Борис Акунин и Глория Му показывают релятивность аксиологической шкалы современного поликультурного социума, иронически представляя феномен политкорректности с критической точки зрения персонажей-подростков.

Список литературы

Гендер в британской и американской лингвокультурах: Монография / Под общ. ред. Е. С. Гриценко. М., 2011.

Грицаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М., 2008.

Гурочкина А. Г. Политкорректная сказка как трансформированный комический текст // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой. М., 2009. С. 777–786.

Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика. Волгоград, 1999. С. 5–19.

Карасик В. И. Языковые мосты понимания: Монография. М., 2019.

Карпухина В. Н. Аксиологические характеристики дискурсов персонажей современной детской литературы: иноязычная речь на страницах диалогии Бориса Акунина и Глории Му // Проблемы онтолингвистики-2017. Освоение и функционирование языка в ситуации многоязычия / Ред. Т. А. Круглякова, М. А. Еливанова, Т. А. Ушакова. Иваново, 2017. С. 213–218.

Карпухина В. Н. Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры: Монография. Барнаул, 2013.

Карпухина В. Н. Литературные хронотопы: поэтика, семиотика, перевод: Монография. Барнаул, 2015.

Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. М., 2007.

Петрова С. А. Современная русская детская литература: миф или реальность? // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23, № 1. С. 66–78.

- Скаф М.* Новая детская литература // Октябрь. 2012. № 12. С. 148–154.
- Тер-Минасова С. Г.* Политическая корректность, или языковой такт // Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Хеллман Б.* Сказка и быль: История русской детской литературы / Авториз. пер. с англ. О. Бухиной. М., 2016.
- Черняк М.* Эффект узнавания реальности в современной прозе для переходного возраста // Детские чтения. 2013. № 2. С. 136–151.
- Baker A.* Introduction // *The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit / As told by Julius Lester.* СПб., 2014. P. 3–8.
- Butler J.* *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity.* New York, London, 1990.
- Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V.* The Basis of the Politically Correct Modern Political Discourse in the French Language // *Bulletin of Kemerovo State University.* 2017. № 3. P. 180–186. DOI 10.21603/2078-8975-2017-3-180-186
- Lakoff R.* *Language and Women's Place.* N. Y., 1975.
- Moller D.* Dilemmas of Political Correctness // *Journal of Practical Ethics.* 2016. Vol. 4, iss. 1.
- Segel E.* "As the Twig Is Bent...": Gender and Childhood Reading // *Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / Ed. by P. Hunt.* London, New York, 2006. Vol. 3: Cultural Contexts. P. 187–207.
- Wikström P.* No one is "pro-politically correct": Positive construals of political correctness in Twitter conversations // *Nordic Journal of English Studies.* 2016. № 15 (2). P. 159–170.

Список источников

- Акунин Б.* Детская книга. М., 2007. Т. 1, 2.
- Акунин Б.* Детская книга для мальчиков. М., 2012.
- Гарнер Дж. Ф.* Политически корректные сказки на ночь. URL: <https://q-lab.livejournal.com/1464.html#cutid1> (дата обращения 07.08.2018).
- Му Глория.* Детская книга для девочек. М., 2012.
- Харрис Дж.* Сказки дядюшки Римуса. Улан-Удэ, 1980.
- Garner J. F.* *Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times.* New Jersey, 1994. URL: <https://bbs.pku.edu.cn/attach/85/31/8531ff112a962431/politically%20correct%20bedtime%20stories.pdf> (accessed 07.08.2018).
- The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit / As told by Julius Lester.* СПб., 2014.

V. N. Karpukhina

Altai State University, Barnaul, Russian Federation, vkarpukhina@yandex.ru

Contemporary children's literature in the politically correct discourse: axiological linguistic aspect

The paper aims at revealing the basic features of contemporary children's literature texts as a successful commercial project in mass culture, forming relative axiological principles of the multicultural society in the target audience. The author considers some of the constitutive components of the politically correct discourse, which form a new axiological scale in the texts of contemporary children's literature. Such components include participants, chronotope, aims, values, strategies, and discursive formulas of the politically correct discourse. The hypothesis is put forward that the politically correct discourse is not acute yet for the Russian linguistic culture. However, it is obvious that in the English culture, the politically correct discourse is being parodied

nowadays while it deals with its discursive formulas and manipulative strategies. The contemporary Russian children's literature is found to be just coming into the frame of the politically correct discourse, whilst English children's literature is actively functioning in this type of discourse, as in *The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit* retold by Julius Lester or acquires parody of postmodernist features, as *Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times* by James Finn Garner did. The research results reveal that Boris Akunin and Gloria Mu, the contemporary Russian children's literature writers, use narrative strategies in their texts of *Children's Book* and *Children's Book for Girls*, suggesting the implicit ironical assessment for the situations, discursive formulas, and the rules of their usage of the politically correct discourse in the contemporary multipolar society. On the contrary to the directly used irony, often turning into sarcasm of *Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times* by James Finn Garner or to the politically correct discourse manipulative rules usage in the new version of *The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit* retold by Julius Lester, the texts of children's books by Boris Akunin and Gloria Mu do not provide directly expressed assessments in the axiogenic situations of the politically correct discourse.

Keywords: politically correct discourse, contemporary children's literature, axiological linguistics.

DOI 10.17223/18137083/69/13

References

- Baker A. Introduction. In: *The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit*. As told by Julius Lester. St. Petersburg, 2014, pp. 3–8.
- Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, London, 1990, 256 p.
- Chernyak M. Effekt uznvaniya real'nosti v sovremennoi proze dlya perekhodnogo vozrasta [The effect of recognition in contemporary prose for teenagers]. *Detskie chteniya*. 2013, no. 2, pp. 136–151.
- Gender v britanskoi i amerikanskoi lingvokul'turakh: monografiya* [Gender in British and American linguistic cultures: a monograph]. Gritsenko E. S. (Ed). Moscow, 2011, 220 p.
- Grishaeva L. I., Tsurikova L. V. *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoi kommunikatsii: Ucheb. posobiye dlya stud. lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Introduction into the theory of cross-cultural communication: a manual for students of linguistic faculties of higher education institutions]. Moscow, 2008.
- Gurochkina A. G. Politkorrektnaya skazka kak transformirovannyi komicheskii tekst [Politically correct story as a transformed comic text]. In: *Gorizonty sovremennoi lingvistiki: Traditsii i novatorstvo: Sbornik v chest' E. S. Kubryakovoi* [Horizons of contemporary linguistics: Traditions and novelty: The collection of academic works dedicated to E. S. Kubryakova]. Moscow, 2009, pp. 777–786.
- Hellman B. *Skazka i byl': Istoriya russkoi detskoi literatury* [Tale and true story: History of Russian children's literature]. Tr. from English by O. Bukhina. Moscow, 2016, 560 p.
- Karasik V. I. Religiozniy diskurs [Religious discourse]. In: Karasik V. I. (Ed.). *Yazykovaya lichnost': problemy lingvokul'turologii i funktsional'noi semantiki: Sbornik nauchnykh trudov* [Linguistic identity: problems of cultural linguistic and functional semantics: The collection of academic works]. Volgograd, 1999, pp. 5–19.
- Karasik V. I. *Yazykovyye mosty ponimaniya: Monografiya* [Language bridges of understanding: Monograph]. Moscow, 2019.
- Karpukhina V. N. Aksiologicheskie kharakteristiki diskursov personazhei sovremennoi detskoi literatury: inoyazychnaya rech' na stranitsakh dilogii Borisa Akunina i Glorii Mu [Axiological characteristics of contemporary children's literature characters' discourses: foreign languages in the dilogy by Boris Akunin and Gloria Mu]. In: Kruglyakova T. A., Elivanova M. A., Ushakova T. A. (Eds). *Problemy ontolingvistiki-2017. Osvoenie i funktsionirovanie yazyka v situatsii mnogoyazychiya* [Problems of ontolinguistics-2017. Language acquisition and functioning in the situation of multilingualism]. Ivanovo, 2017, pp. 213–218.
- Karpukhina V. N. *Konstruirovanie lingvisticheskoi real'nosti pri smene semioticheskogo koda kul'tury: monografiya* [Construing of linguistic reality through the semiotic code of culture change: a monograph]. Barnaul, 2013, 232 p.

- Karpukhina V. N. *Literaturnye khronotopy: poetika, semiotika, perevod: monografiya* [Literary chronotopes: poetics, semiotics, translation: a monograph]. Barnaul, 2015, 171 p.
- Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V. The Basis of the Politically Correct Modern Political Discourse in the French Language. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2017, no. 3, pp. 180–186. DOI 10.21603/2078-8975-2017-3-180-186 (accessed 08.03.2019)
- Lakoff R. *Language and Woman's Place*. New York, 1975, 328 p.
- Leontovich O. A. *Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu* [Introduction into cross-cultural communication]. Moscow, 2007.
- Moller D. Dilemmas of Political Correctness. *Journal of Practical Ethics*. 2016, vol. 4, iss. 1.
- Petrova S. A. Sovremennaya russkaya detskaya literatura: mif ili real'nost'? [Contemporary Russian children's literature: myth or reality?]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2018, vol. 23, no. 1, pp. 66–78.
- Skaf M. Novaya detskaya literatura [New children's literature]. *Oktyabr'*. 2012, no. 12, pp. 148–154.
- Segel E. "As the Twig Is Bent...": Gender and Childhood Reading. In: Hunt P. (ed.). *Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies*. Vol. 3: Cultural Contexts. London, New York, 2006, pp. 187–207.
- Ter-Minasova S. G. Politicheskaya korrektnost', ili yazykovoi takt [Political correctness, or language tact]. In: Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and cross-cultural communication]. Moscow, 2000.
- Wikström P. No one is "pro-politically correct": Positive construals of political correctness in Twitter conversations. *Nordic Journal of English Studies*, 2016, no. 15 (2), pp. 159–170.

List of sources

- Akunin B. *Detskaya kniga* [Children's book]. Moscow, 2007, vols. 1, 2.
- Akunin B. *Detskaya kniga dlya mal'chikov* [Children's book for boys]. Moscow, 2012, 544 p.
- Garner J. F. *Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times*. New Jersey, 1994. URL: <https://bbs.pku.edu.cn/attach/85/31/8531ff112a962431/politically%20correct%20bedtime%20stories.pdf> (accessed 07.08.2018).
- Garner J. F. *Politicheski korrektnye skazki na noch'* [Politically correct bedtime stories]. URL: <https://q-lab.livejournal.com/1464.html#cutid1> (accessed 07.08.2018).
- Harris J. *Skazki dyadyushki Rimusa* [The tales of Uncle Remus]. Ulan-Ude, 1980, 112 p.
- Mu Gloria. *Detskaya kniga dlya devochek* [Children's book for girls]. Moscow, 2012, 412 p.
- The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit. As told by Julius Lester*. St. Petersburg, 2014, 224 p.